

Злот и Атлас. Точно так же клички Лидка и Лушка не кажутся более оскорбительными для человека, нежели Джек и Джим.

В целом сборник производит очень хорошее впечатление, и хотелось бы надеяться, что в дальнейшем сложившаяся традиция выпуска в свет работ такого рода будет продолжена.

С. А. Арутюнов

Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник МАЭ, т. XXVI, Л., 1970, 384 стр. с илл.

Коллекционные собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР, накапливавшиеся в течение двух с половиной столетий, служат надежным фундаментом для исследований в различных областях этнографии и антропологии.

Выход в свет очередного сборника МАЭ, подготовленного сотрудниками сектора Средней Азии и Казахстана Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР под редакцией Н. А. Кислякова, значительное событие в научной жизни.

Достоинство рецензируемого сборника заключается в том, что в его основу положен региональный принцип. В научный оборот введен коллекционный материал по культуре и быту народов Средней и Передней Азии.

Семь статей сборника посвящены народам советской Средней Азии. Содержащиеся в них материалы, отражающие дореволюционное прошлое этих народов, помогают реально представить, что «... за полвека, прошедшие с момента установления в Средней Азии Советской власти, жизнь народов этой части СССР неузнаваемо изменилась. Советские республики Средней Азии за эти годы превратились из отсталой колониальной окраины царской России в цветущий край с широко развитой промышленностью и механизированным сельским хозяйством» (стр. 3).

Весьма ценной для исследователей истории религии и культов является публикация в статье Н. А. Кислякова материалов о тотемных предметах горных таджиков, представляющих собой приношения верующих к местам мусульманских святынь («мазарам»). Представляется весьма убедительным соображение автора о том, что «... в основе почитания мазаров лежал и культ мусульманских „святых“ и более древний культ деревьев, источников, камней и других объектов» (стр. 5). Мазары горного Таджикистана подразделяются на две группы: к первой отнесены собственно гробницы «святых», ко второй — различные почитаемые объекты — отдельные деревья, рощи, скалы, пещеры, источники.

Шесть статей рецензируемого сборника сходны по тематике и посвящены описанию традиционной одежды и украшений, являющихся ценным историко-этнографическим источником у народов Средней и Передней Азии.

В статье Р. Я. Рассудовой дается достаточно полное описание обычной домашней одежды горных таджиков верховьев Зеравшана первой четверти XX в. Автор приходит к выводу, что в этом регионе одежда не дифференцировалась по полу и возрасту. В работе приводятся также данные о различных видах кроя и высказываются мысли об использовании собранных материалов при будущей работе над этнографическим атласом.

Статья ныне покойной Э. Г. Гафферберг посвящена одежде белуджей Туркменской ССР. Изучению этой национальной группы и некоторых других, переселившихся в 1923—1929 гг. из Афганистана в СССР, Э. Г. Гафферберг посвятила всю свою жизнь. Этнограф по образованию, по призванию и по большому опыту полевой, музейной и исследовательской работы, она достойно представляла нашу науку не только в своих трудах, на научных сессиях и конференциях, проводившихся в нашей стране, но и на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (1964 г.).

В опубликованной ею в 1969 г. в Ленинграде монографии «Белуджи Туркменской ССР» Э. Г. Гафферберг показала себя как зрелый исследователь, умело использующий методы этнографической науки для изучения народной жизни во всем ее многообразии. Безвременная кончина Э. Г. Гафферберг в 1971 г. не позволила ей осуществить ее научные замыслы. Статья в данном сборнике — одна из последних работ ученого — является ценным дополнением к названной монографии. С присущей исследовательнице тщательностью обработаны в статье собственные полевые материалы (1958—1967 гг.) и описаны две коллекции, собранные во время экспедиций 1929 и 1957—1962 гг.

Наряду с описанием типов тканей кустарного производства, в статье подробно рассказывается о выработанных многими поколениями белуджей способах снятия мерок и раскройки одежды. Многочисленные данные о покрое одежды и ее функциональной специфике позволили автору провести параллели в одежде белуджей и других иранских народов. Автор проявляет должную осторожность, замечая, что изложенные им «... параллели и предположения являются лишь весьма предварительными, ибо как имеющиеся в нашем Музее коллекции, так и литературные данные настолько скудны,

что в отношении одежды мы еще очень далеки от каких-либо окончательных выводов» (стр. 100), но тем интереснее приводимые в статье соображения о близости некоторых типов одежды белуджей и афганцев, таджиков, джемшидов и хазарейцев. Вполне обоснован вывод автора, заключающийся в исследовании: «Основной же и наиболее яркой чертой современной одежды белуджей Туркмении является ее обилие, богатство и нарядность, что отражает как резкое повышение материального уровня жизни белуджей за 40 лет их пребывания в Советском Союзе, так и новый, высокий уровень культурных требований, предъявляемых современными белуджами ко всем сторонам их материальной и общественной жизни» (стр. 100).

Большое научное значение имеет статья О. А. Сухаревой «Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в.», в которой дается описание двух уникальных предметов — шапки («куляха») и рубахи Мавлоно Шарифа, относящихся ко II половине XVII в. Сравнение куляхи М. Шарифа с известными в науке подобными головными уборами XIV и XVIII вв. показывает О. А. Сухаревой наметить определенную линию развития этого элемента среднеазиатского костюма.

Отсутствие прямых параллелей в более поздней одежде побудило автора сделать вывод, что только к XIX в. «...развитие форм одежды привело, в силу разных причин, к большому единству покроев, к исчезновению из быта некоторых менее распространенных форм» (стр. 112).

Вызывает интерес статья М. В. Сазоновой «Украшения узбеков Хорезма», базирующаяся на богатом полевом материале. С большой скрупулезностью дается описание бытовавших в Хорезме в конце XIX — начале XX в. женских, мужских и детских украшений. К числу достоинств статьи следует отнести описание технологии изготовления украшений, характеристику их функциональной роли, а также тот факт, что автор сумел отнести их к определенным возрастным группам.

Описание украшений узбеков Хорезма уже само по себе представляет значительный интерес. Однако, не забывая об эстетической роли украшений, автор в то же время стремится выявить их семантику. В этом ей помогают полученные в результате археологических исследований данные о древних представлениях жителей Хорезма (работы С. П. Толстова, В. М. Массона и др.). Подводя итоги анализа отдельных мотивов, форм и видов украшений в сопоставлении с аналогичным материалом у других народов Средней и Передней Азии, автор пишет: «Не связаны ли генетически отдельные элементы, прослеживаемые нами в форме и в названии украшений, с пережитками тех идеологических представлений, которые господствовали некогда у населения древнего Хорезма? Нам кажется, что мы должны ответить на этот вопрос положительно» (стр. 136).

Выдвигаемые доказательства интересны и обоснованны. М. В. Сазонова особое внимание уделяет интерпретации символов, связанных с культом богини Анахиты и бога иреда, бога воскресающей и умирающей природы Сиявуша (ласточка, конь и пр.). Можно лишь пожалеть, что мотивы, касающиеся других животных и птиц, не получили столь же обстоятельной интерпретации. Вероятно, при обращении к сюжетам, связанным с мотивами животных и птиц, следует обратить большее внимание на пережитки тотемистических представлений.

Вторую часть сборника, «Передняя Азия», открывает статья В. П. Курылева «Одежда анатолийских турок». Почти все коллекции турецкой одежды, пишет автор, поступали в музей в конце XIX — начале XX в. Особый интерес представляет коллекция, приобретенная в Стамбуле при участии В. В. Бартольда (21 предмет). В мужской и женской одежде автор прежде всего выявляет черты традиционности, а также указывает на особенности турецкого костюма, головных уборов, обуви, которые позволяют судить о семейном положении, возрасте, социальной принадлежности. Особенно ценны для этнографов факты о сохранении в вышивке и украшениях элементов, игравших некогда роль оберега. Интересны приводимые автором материалы о современном костюме городских и сельских жителей.

Статья Л. А. Булановой является первой полной публикацией имеющихся в МАЭ коллекций арабской материальной культуры. В состав этого крайне разнообразного собрания входят образцы мебели, музыкальных инструментов, металлической посуды, предметов культа, а также типы одежды из разных арабских стран. При рассмотрении отдельных видов национального костюма женщин Палестины, некоторых районов Сирии и Ирака автор говорит о влиянии мусульманства на женскую одежду. Далее он справедливо подчеркивает, что некоторые украшения, дополняющие костюм женщины, играли роль амулетов.

Отрадно, что одно из богатейших собраний МАЭ — коллекция персидской одежды, насчитывающая около 300 предметов, — обрело серьезного исследователя в лице Ф. Д. Люшкевич, выступившей со статьей «Одежда жителей центрального и юго-западного районов Ирана первой четверти XX в.». Эта публикация важна потому, что в ней содержатся данные о покрое и локальных особенностях персидской одежды. Много внимания автор уделяет вопросу о дифференциации мужской и женской одежды, вызванной различным положением в обществе мужчины и женщины, поддерживаемым мусульманскими религиозными догмами. Описание основных видов женской одежды подчинено локальному принципу (женские костюмы из Исфагана, Шираза и Бушира), отмечаются и некоторые этнические различия.

Статья Л. А. Фирштейн «Земледельческие орудия таджиков и узбеков» написана на основании обширных материалов, собранных экспедициями с 1882 по 1960 г. Иссле-

дваемые автором земледельческие орудия принадлежат оседлым узбекам и таджикам (6 коллекций), горным таджикам (5 коллекций) и припамирским таджикам (1 коллекция). Справлению орудий труда предшествует обстоятельный разбор литературы по рассматриваемому вопросу, который показывает, что появление данного исследования закономерно и своевременно. Характеристика земледельческих орудий сопровождается сведениями о сезонных работах, об условиях труда, что позволяет осветить вопрос о разделении трудовых процессов между полями.

Статья Т. В. Станюкович «Декоративное убранство жилища восточнославянского населения Казахстана» написана на материалах, собранных автором, а также хранящихся в фондах и архиве МАЭ. Автор стремился «... раскрыть возникшие в результате длительного совместного проживания взаимосвязи и взаимовлияния различных национальных культур, проявившиеся в декоративном убранстве домов переселенцев» (стр. 201). Приводимые в статье примеры убедительно свидетельствуют о проникновении в декоративное искусство восточнославянского населения элементов казахской орнаментики и о заимствовании в свою очередь местными жителями у русских, украинцев, белорусов некоторых черт убранства жилища. Рассматривая вопрос о влиянии городской культуры на декор жилища переселенцев, автор указывает, что все видоизменения в декоративном убранстве жилища происходят в рамках восточнославянских декоративных традиций. С этим выводом нельзя не согласиться.

Особое место в сборнике занимает обстоятельное исследование С. М. Марр, которая дала описание религиозных шиитских мистерий Мохаррам и попыталась проследить их генезис. Отмечая ареал распространения Мохаррама и вскрывая его историческую основу, автор присоединяется к мнению об арабском происхождении шиизма и оспаривает распространенное прежде убеждение о его персидских истоках. Личные наблюдения в Исфагане и Тегеране в 1925 — 1926 гг. позволили С. М. Марр дать подробное и красочное описание религиозного праздника шиитов, которое приобретает значение подлинного документального источника, ибо вскоре после пребывания автора в Иране проведение церемоний Мохаррам было официально запрещено.

В науке высказывалось мнение о связи шиитского культа Али-Хоссейна и культа семитского Таммуза-Адониса (А. Е. Крымский, А. А. Ромаскевич), С. М. Марр поставила перед собой цель — выявить те элементы, которые позволяют видеть в Мохарраме явление гораздо более раннее, чем культ оплакивания мусульманских святых. В некоторых особенностях движения участников процессии автор усматривает проявление пережитков древнего ритуала. Такие элементы в Мохарраме, как плащаница, раки и пр., также не отвечают мусульманским воззрениям.

Серьезное внимание уделено символике траурных знамен и наверхий. Автор пытается истолковать треугольную форму знамени, наверхия знамен и знамен «алам» и «туг» — с изображением различных древних небесных знаков. В некоторых элементах обрядности Мохаррама, по мнению автора, нашли отражение отдельные черты древнего земледельческого культа (например, культа воды и зерна).

Автор представил много доказательств для обоснования главной идеи статьи: Мохаррам «... как сугубо мусульманский праздник, вышел из глубоких недр народной жизни, вырос на языческой обрядности, воспользовался ее эмблемами, переосмыслив их на свой лад» (стр. 366).

В заключение отметим, что рецензируемый сборник богато иллюстрирован уникальными фотографиями из архива МАЭ, а также зарисовками одежды и чертежами кроя, искусно выполненными художниками З. А. Гиппиус, С. В. Цорн, К. Б. Серебровской. Хотелось бы в последующих изданиях видеть большее число цветных иллюстраций.

Сборник МАЭ «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии» является крупным вкладом советской этнографической науки в изучение этого региона.

М. Н. Серебрякова

Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970. 202 стр.

Антропологический материал, представленный в книге, охватывает очень широкий стрекзк времени (IV в. до н. э. — IX в. н. э.). Период этот характеризовался исключительно бурными историческими событиями, основной причиной которых была миграция ряда племен из глубин Азиатского континента на запад. Вызванная этим движением цепная реакция переселений вовлекла множество этнических групп, что не могло не изменить существенным образом картину распространения антропологических типов.

В IV в. н. э. гунны достигли Центральной Европы, а в VI в. на территории нынешней Венгрии возникло государство аваров. Как отразились эти события на антропологическом составе населения Карпат?

Еще в начале 1930-х годов и позднее ряд ученых (Л. Бартуц, П. Липтак, И. Немешкери), основываясь на антропологическом материале, указывал на присутствие в этом регионе в эпоху раннего средневековья монголоидных групп. Однако при этом